

№ 64 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Апрель, 2017

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ПУТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ: АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РАЗБАЛАНСИРОВАНЫ

Роберт Легвольд

Об авторе:

Роберт Легвольд

почетный профессор кафедры политологии Колумбийского университета

*Данный текст отражает личное мнение автора,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Последние четверть века оказались всего лишь переходным периодом от одного мира к другому: от знакомого, обманчивого и порой опасного мира холодной войны – к маячащему впереди новому мироустройству, тревожные контуры и пугающие опасности которого пока еще до конца не ясны, но уже лишают нас спокойствия и уверенности в будущем. Они скрываются в напряженности, возникающей из-за проблем доступа к пресной воде, что дает нам понять, какие острые конфликты могут вспыхнуть вследствие изменений климата, когда народ восстанет на народ в борьбе за тающие ресурсы, и когда погодные аномалии поставят население целых стран на грань выживания. Контуры нового мира проглядывают во все более судорожных попытках сохранить критически важный уровень согласия в отношениях между США и Китаем и усиливающимся убеждении с обеих сторон, что от их могущественного партнера исходит явная угроза. Они также проявляются в глубокой враждебности, которая сегодня характерна для отношений России с Западом и особенно Соединенными Штатами. Они видны в поднимающемся недовольстве быстрорастущего количества игроков на мировой политической сцене глобальным статус-кво: кто, что, когда и как получает; недовольстве правилами и теми, кто их вырабатывает и нарушает; неравномерным распределением материальных благ, и тем, что нередко прав оказывается тот, у кого больше силы.

Пока неясно, как эти мобилизующиеся силы изменят нынешний мировой порядок, но ясно одно: то, что большинство наблюдателей называют «либеральным порядком», сложившимся после Второй мировой войны, теперь подвергается нападкам. Правда, нет согласия относительно того, подвергаются ли угрозе отдельные аспекты этого порядка или само его существование. Говоря о послевоенном либеральном мировом порядке, люди обычно имеют в виду организации, созданные в конце Второй мировой войны, и принципы, которые они были призваны отстаивать: территориальная целостность стран и мир через коллективную безопасность, закрепленные в Уставе ООН; относительно свободная торговля, экономическое развитие и упорядоченная корректировка рынка, доверенная международным финансовым учреждениям; для крупных демократий это также движение к «демократическому миру».

С самого начала этот порядок оспаривался Советским Союзом и другими коммунистическими странами, как нечто созданное крупными капиталистическими державами для продвижения их интересов. Однако после распада СССР и его расширенной империи исчезла и угроза мировому порядку. Когда двадцатый век приближался к концу, многие предположили, не особо задумываясь, что, несмотря на все его несовершенства, либеральный мировой порядок восторжествовал, и теперь можно двигаться дальше. Могущественные интеграционные силы глобализации, стирание границ между странами, переплетение экономик и слияние культур, а также влияние современных технологий – в частности, Интернета – и крах плановых экономик в авторитарных странах, похоже, гарантировали постоянство этого порядка.

В 1990-е годы и даже в первые годы нового столетия мало кто в мире, включая политологов США и России, всерьез задумывался над тем, что патологии, тревожащие взаимозависимый новый мир, сложившийся после окончания холодной войны, бросят серьезный вызов этой вроде бы устойчивой новой реальности. Мало кто полагал, что уличные протесты антиглобалистов во время встреч «Большой двадцатки», распространение

внутригосударственного насилия в слабых обществах, усиливающееся противостояние между суннитами и шиитами внутри ислама или даже распространение язвы терроризма по всему миру смогут угрожать стабильности того мира, в котором нарастала эта динамика. Однако поначалу слабые протесты против глобализации были первыми тревожными трещинами на поверхности, под которой в течение трех десятилетий растущего экономического неравенства, не слишком волновавшего политическую элиту многих стран, закипал народный гнев, впоследствии вылившийся в яростное отторжение политического истеблишмента и глобализации, угрожающее основным элементам либерального мирового порядка. Хаос и насилие в мусульманском мире, в конце концов, привели к массовому исходу из него множества отчаявшихся людей. Но это только подлило масла в огонь популизма и нативизма, настроивших население крупных стран против открытости в торговле, против массовой иммиграции, и посеявших в людях недоверие к экономической интеграции, неотделимой от этого порядка. А подъем или восстановление других крупных держав – Китая, России, Индии, Бразилии и Турции – недовольных перекосами в существующем порядке в пользу стран Запада и готовых оспорить существующие правила, а также бросить вызов тем, кто их установил, еще больше усилило общую напряженность.

Таким образом, американские и российские лидеры, формирующие внешнюю политику, в том числе по отношению друг к другу, вынуждены это делать в мире, который неожиданно стал совершенно непредсказуемым. Почва внезапно начала уходить у них из-под ног, если говорить о международных отношениях, встала задача не просто решать неприятные проблемы двусторонних отношений, но и продумывать, как это сделать, когда все вокруг пришло в движение.

Задача эта более грандиозная, чем они это осознают. Ведь планирование Россией и Соединенными Штатами политики в отношении друг друга в такое время, когда происходит сдвиг в мировом порядке, едва ли может быть легкой задачей, но это неизбежно и важно. Еще более грозный вызов, который они пока еще не до конца поняли, – это выстраивание отношений таким образом, чтобы принимать во внимание и предвидеть возникновение серьезных проблем в процессе формирования нового мирового порядка. Если экстраполировать зреющие сегодня проблемы на этот новый, формирующийся мир, то можно увидеть три взаимосвязанных источника беспорядка и нестабильности.

Во-первых, может вернуться стратегическое соперничество между Китаем и США, грозящее переродиться в нечто куда более разрушительное в случае усиления противостояния Москвы и Вашингтона. Самая высокая и страшная цена, которую в этом случае придется заплатить за неспособность крупных держав, в первую очередь России и США, обуздать опасности, присущие новому многополярному ядерному миру, – это неуклонно растущая вероятность применения ядерного оружия. Это будет неизбежным исходом в контексте быстрого распространения как ядерных, так и неядерных технологий, ослабления норм контроля за ядерным оружием и усиливающегося расхождения доктрин девяти ядерных держав.

Во-вторых, грядущее замешательство в том случае, если не удастся решить проблему изменения климата, что уже само по себе плохо, будет куда более разрушительным, если великие державы предпочтут эксплуатировать, а не смягчать его последствия.

В-третьих, стратегическое соперничество великих держав может привести их к безответственному поведению, а безответственность великих держав еще больше расшатает устои мирового управления, особенно если ключевые положения либерального мирового порядка – территориальная целостность стран, равный суверенитет и относительно свободный экономический обмен – будут и дальше размываться.

Поэтому российские и американские лидеры, размышляющие о том, как себя вести после президентских выборов в США, делают свой выбор не просто в такое время, когда земля под ними горит. Сознают они это или нет, но от их выбора будет зависеть, насколько мрачным будет грядущий мировой порядок. Возможно, на данном этапе ни они, ни окружающий их политический истеблишмент об этом не думают, но это нужно делать другим, менее обремененным аналитикам.

Однако контекст, в котором лидеры обеих стран размышляют о возможном направлении отношений между США и Россией в эру Трампа, осложняется не только хаосом во внешнем мире, но и политическим водоразделом, к которому приблизились Соединенные Штаты. Как и перестройка международных отношений, прохождение этого водораздела потребует значительного времени. Однако шок, в который победа Трампа повергла политический истеблишмент Соединенных Штатах, резко высветили три силы, действующие в современном мире и взаимно усиливающие друг друга.

Первый фактор – это институциональная усталость. Несмотря на все сильные стороны конституционного порядка, сложившегося в Соединенных Штатах в XVIII веке, важные его особенности – прежде всего те, которые с годами были искажены – наносят серьезный ущерб эффективному государственному управлению. Ничто не причиняет больший ущерб, чем искажающий эффект манипулирования электоральными картами, вследствие чего кандидаты, не получившие большинство голосов избирателей, попадают на важные должности на уровне штатов, Сената/Конгресса и президента страны (известно уже два таких случая). Предвыборные махинации в процессе пересмотра избирательных округов и коллегии выборщиков, а также многие правила Сената давно уже признаны устаревшими и нуждающимися в пересмотре. Но совершенно неожиданно та степень, в которой они подрывают законность результатов выборов, и явная поляризация в американской политике пробудили настоящее движение за реформы. Однако требования протестующих натолкнутся на жесткое противодействие со стороны тех, кто выигрывает от сохранения старого порядка вещей, так что проблема, скорее всего, останется неразрешенной.

Тем временем поляризация, усиливаемая институциональной усталостью, пробуждает к жизни вторую конвергентную силу – дисфункцию органов государственной власти, особенно на национальном уровне, проявляющуюся в неспособности Конгресса и исполнительной ветви адекватно решать ключевые вопросы национальной повестки дня, такие как иммиграция, здравоохранение, реформа образования, защита окружающей среды и обновление инфраструктуры, не говоря уже об обнажившейся проблеме огромного и увеличивающегося неравенства в доходах. Неспособность правительства решать фундаментальные проблемы, включая тревоги тающего среднего класса, вызвала сильное отвращение к могущественному истеблишменту и антиправительственные

выступления. На этой волне Трамп въехал в Белый дом и, что еще важнее, это создает нестабильность с непредсказуемой кульминацией.

Эта нестабильность усиливается третьим, медленно набирающим силу, но мощным фактором – исторической демографической трансформацией, которая в течение следующей четверти века приведет к тому, что белое население больше не будет в большинстве. Смутное беспокойство, которое многие испытывают по поводу этой все более явной тенденции, в ноябре прошлого года достигло пика среди разгневанных белых избирателей, убежденных, что в Вашингтоне никому нет до них дела. Из этой взрывоопасной смеси сегодня вытекает мощный поток популизма с его протестом против истеблишмента и государственной власти. Таким образом, США вступают в период фундаментальной внутренней неопределенности в то время, когда растет неопределенность во всем мире, что создает общую неопределенность в отношении внешней политики США как внутри страны, так и за рубежом.

Хотя Россия находится в такой же нестабильной международной обстановке, как и США, похоже, что внутри страны наступил период политического равновесия или застоя. Однако наблюдатель, полагающий, что это состояние будет продолжаться бесконечно, недальновиден. Ситуация в России может начать выходить из-под контроля через несколько лет или через десятилетие, но почти наверняка в ближайшем будущем эта страна также погрузится в смутное время внутривнутриполитических перемен. Как следствие, курс, который две страны выберут во взаимоотношениях друг с другом, трудно предсказать даже в краткосрочной перспективе, но неизмеримо труднее предвидеть динамику их отношений в долгосрочной перспективе, поскольку масштабная неопределенность на внешнем и внутреннем уровне приводят к непредсказуемым последствиям.

Отправная точка

Если невозможно предсказать общее развитие отношений, то и ближайшее будущее едва ли более понятно. В случае с США имеется множество всем понятных неизвестных. Они начинаются с вопроса о том, сколько столов, стульев и другой мебели Трамп готов перевернуть в процессе реализации стратегии «Америка превыше всего»? Если ставить вопрос более фундаментально – какова вероятность того, что он действительно откажется от роли лидера, которую США играли в мировой политике, заменив ее на жесткую и циничную реальную политику в подходе к внешнеполитической проблематике? После бурных первых трех недель президентства Трамп и его команда уже во время четвертой недели сдали свои наиболее крайние позиции: в отношении политики «единого Китая», пойдя на уступки Си Цзиньпину; по иранской ядерной сделке, уступив настоятельным доводам Федерико Могерини; и по пакту между США и Японией о взаимной обороне, когда пообещали Синдзо Абэ ничего не менять. Высокопоставленные чиновники

из внешнеполитического и оборонного ведомства быстро ужесточили тон высказываний в отношении России. Таким образом, первые признаки указывали на то, что радикальное отступление от прежнего курса, вытекавшее из высказываний Трампа до и после выборов, было снято с повестки дня, как только его администрация столкнулась с суровой реальностью и трудным выбором. Но кто может знать наверняка?

Поначалу российское руководство приветствовало избрание Трампа по причине его явно более теплого отношения к России. Предположительно этот оптимизм коренился в надежде на то, что новый президент намеревался ограничить политику США продвижением более узко определяемых национальных интересов, отказавшись от традиционной роли мирового гегемона, которую США на себя взяли. Но когда эти перспективы оказались несбыточными или просто неопределенными, российскому политическому руководству осталось лишь уповать на смутные высказывания Трампа и одного или двух его ближайших советников. Но и эти обнадеживающие высказывания вскоре были несколько переформулированы, чтобы успокоить нервничавших союзников и справиться с внутривнутриполитической реакцией на предполагаемое вмешательство России в ход президентских выборов.

То, что российское руководство хотело прихода в Белый дом менее враждебно настроенной к Москве администрации и менее конфронтационных отношений с США, стало ясно еще до избрания Трампа. Существовала ли реальная возможность подобного исхода? Из этого вопроса естественно вытекают другие, на которые до сих пор не получено ясного ответа.

Во-первых, когда Трамп говорил о сотрудничестве с Россией как о «хорошем развитии событий», представлял ли он более или менее четко и конкретно, что повлечет за собой такое сотрудничество, и как оно будет осуществляться? Или это был просто смутный порыв с его стороны с учетом того, что единственным реальным проявлением такого сотрудничества могла бы стать совместная борьба с ИГИЛ¹. Даже когда на Конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2017 года вице-президент Пенс попытался восполнить пробел, сказав, что Вашингтон намерен «призвать Россию к ответу, несмотря на поиск новых общих точек соприкосновения», имел ли он и президент США какое-то представление о том, где и как они «призовут Россию к ответу», и что может стать «новыми общими точками соприкосновения»?

Во-вторых, с учетом антироссийского консенсуса, преобладающего в Конгрессе США, средствах массовой информации и значительной части экспертного сообщества, который также разделяют и многие представители внешнеполитического и оборонного ведомств, назначенные администрацией Трампа, сможет ли американский президент протянуть руку Москве, даже если он очень этого захочет?

В-третьих, как начали подозревать российские наблюдатели – и сам Трамп довольно неуклюже это признал на пресс-конференции 16 февраля – политическая буря по поводу контактов членов его команды с Россией во время избирательной кампании может

¹ *Запрещенная в России организация.* – Прим. ред.

вынудить его по политическим причинам отказаться от планов заключения «сделок» с путинской Россией.

Ответ на первый вопрос явно предполагал, что идея о более тесном сотрудничестве с Россией была скорее импульсом, чем обоснованной концепцией (это, конечно, не исключало возможности того, что, если бы процесс начался, прогресс в развитии этих отношений позволил бы наполнить эту идею содержанием). Ответ на второй вопрос, похоже, менее ясен. На первый взгляд предостережение, которое администрация получила от союзников по НАТО и членов собственной внешнеполитической команды, в сочетании с жестким противодействием со стороны ключевых сенаторов-республиканцев, таких как Джон Маккейн, Линдси Грэм и Том Коттон, а также лидеров Демократической партии, вроде бы было серьезным препятствием. Однако отказ руководства республиканского большинства в Сенате поддержать угрозу сторонников жесткой линии связать администрации руки в отношении российских санкций, оформив их законодательно, а также готовность других конгрессменов одобрить идею изменения курса в отношении России, означали, что при решительном настрое у Белого Дома было бы больше свободы для маневра, чем поначалу казалось.

Однако это, по умолчанию, приводит нас к третьему вопросу: даже если предположить, что администрация Трампа хочет уйти от нынешнего состояния холодной войны между США и Россией и сможет преодолеть политическое сопротивление, способна ли она выработать стратегию, которая позволит ей добиться желаемых целей при условии, что она знает, чего хочет? Сможет ли администрация выработать последовательную и реализуемую программу, а затем мобилизовать все необходимые средства для ее воплощения в жизнь? Первые признаки не вселяют оптимизма. Когда президент привычно говорит об ослаблении режима санкций для достижения соглашения об ограничении ядерных вооружений – мысль, несколько раз повторенную вице-президентом – у наблюдателей не возникает большой уверенности в том, что они понимают дипломатические реалии. И это не изменится, если даже высокопоставленные чиновники, как сообщается, попытаются разработать стратегию, направленную на то, чтобы вбить клин между Россией и Ираном, используя пряник сотрудничества.

Даже если найдутся ответы на все эти вопросы, остаются еще два. В Соединенных Штатах существуют диаметрально противоположные и непримиримые понятия о том, что является двигателем российской внешней политики. Какое из этих представлений возобладает в администрации Трампа, во многом предопределит, насколько упорна она будет стремиться изменить вектор российской политики, и как далеко зайдет в этом стремлении. Пока самое распространенное мнение в Конгрессе и большей части СМИ сводится к тому, что «политика Путина» вызвана не событиями во внешнем мире, а внутренними потребностями режима: ему нужен внешний враг, отсюда и оголтелый антиамериканизм. Режим не может допустить, чтобы демократия подобралась к самым границам России, потому что она заразна. Вот ему и приходится подменять демократизацию грубой апелляцией к национализму – например, с помощью аннексии Крыма – для сохранения легитимности всякий раз, когда слабеет экономика. Вторая гипотеза, также исключаяющая существенное и длительное сотрудничество с Москвой, гласит, что Путин считает, будто Запад, ведомый Соединенными Штатами, был и всегда будет

враждебен по отношению к России и решительно настроен ослаблять ее всякий раз, когда в ней начинается подъем; следовательно, главная задача российской внешней политики должна состоять в противодействии этим усилиям, поскольку нельзя возлагать слишком большие надежды на достижение соглашения или сделки.

Третья исходная предпосылка, точнее всего отражающая общий настрой в администрации Обамы, а также характерная для подхода администрации Клинтона, сводится к тому, что Россия – слабеющая, но все еще влиятельная держава, склонная подрывать мировой порядок под руководством США. Она прибегает к умелым тактическим маневрам, но не чувствует себя в безопасности, и, если США проявят твердость, уверенность в своих силах и терпение, со временем им удастся выстроить более стабильные отношения с Россией. В боковом тренде имеется также четвертая теория, которую администрация Трампа могла бы взять на вооружение, поскольку она послужила бы основой для его политики. Эту теорию достаточно четко сформулировал Томас Грэм: нынешняя и будущая Россия не может забыть о своем прошлом, а потому настаивает на своем великодержавном статусе, так как это необходимо для выживания страны. Она не столько стремится причинить урон политике США, сколько добиться от Америки уважения. Россия руководствуется историческими представлениями о том, что делает государство сильным – не в последнюю очередь потому, что сильное государство рассматривается как внутренняя сущность России. Поэтому она готова вести рискованную игру и бросать вызов внешним реалиям до тех пор, пока не столкнется с превосходящей силой². Если США правильно истолкуют и не будут принижать тот вызов, который им бросает Россия, и будут готовы строить с ней отношения не по принципу «черное и белое», а находить промежуточные оттенки и сочетать конкуренцию с сотрудничеством, то смогут создать более прочный фундамент для конструктивных отношений, чем тот, на котором они строятся сегодня.

Увы, пятая исходная предпосылка, предусматривающая прочное и продолжительное стратегическое партнерство между США и Россией и даже призывающая к нему, остается запоздалым и малоубедительным раздумьем. Очень мало шансов на то, что в ближайшем будущем эта предпосылка станет главной в выстраивании политики США в отношении России. Согласно ей, внешняя политика современной России никак не связана с российской историей; амбиции и страхи, побуждающие Россию делать тот или иной выбор, считаются реакцией на конкретные события, а не продуктом непреодолимых побуждений или тщательного планирования, тогда как глобальные вызовы безопасности в XXI веке, с которыми сталкиваются обе страны, служат не просто основой для сотрудничества, но и требуют, чтобы США и Россия наладили взаимодействие.

Наконец, ответ на последний вопрос предопределяет направление, в котором отношения между Москвой и Вашингтоном будут развиваться в течение следующих четырех лет: насколько далеко готово пойти политическое руководство России в неизбежных компромиссах для нормализации отношений с США? Президент и министр иностранных дел России сказали, что готовы со своей стороны сделать для этого все необходимое.

² Thomas E. Graham, "The Sources of Russian Conduct," *The National Interest*, August 25, 2016, available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-sources-russian-conduct-17462>.

Но они также настаивают на том, что намерения США недоброжелательны по своей сути – не из-за предпочтений той или иной администрации, а потому, что разрушающийся фундамент доминирования США в мировой политике толкает систему на избыточные действия, дестабилизирующие регионы и угрожающие интересам других стран. Да, в первую очередь они обвиняют в недоброжелательности администрацию Обамы и не скрывают, что счастливы ее уходу и тому, что ей на смену не пришла администрация Клинтон. Но если у них есть более глубокие опасения по поводу внешней политики США, то их надежды на администрацию Трампа должны быть весьма умеренными, особенно когда они размышляют над всеми вопросами, остающимися пока без ответа.

Во-вторых, успехи Путина на внешнеполитическом поприще (страна выдержала режим санкций, который становится все более шатким; пережила угрозы американского руководства наказать Россию; переиграла Запад в сирийском конфликте и нашла политические трещины в западных обществах, которые можно эксплуатировать) вряд ли мотивируют его на то, чтобы предложить нечто большее, чем чисто символические перемены в тональности и незначительные политические уступки. Как минимум, ничто не указывает на то, что российское руководство думает о чем-то кроме ближайшего будущего. Ничто не говорит о том, что Путин и его ближайшее окружение склонны строить политику России по отношению к США с точки зрения более серьезных глобальных вызовов, стоящих перед обеими странами. Это значит, что они не испытывают острой потребности в создании партнерства, способного справиться с этими вызовами.

Куда путь держим?

Хотя прогнозы относительно развития отношений между США и Россией в течение следующего года – дело неблагоприятное, можно предвидеть разные направления в их развитии. Начнем с самой легкой (безопасной) перспективы: сохранение нынешнего статус-кво. Возможно, политическое руководство обеих сторон смягчит тональность своих высказываний, но в силу глубоко укоренившегося взаимного недоверия и проблем, сталкивающихся лбами русских с американцами, отношения между ними будут развиваться очень медленно. Стороны начнут избегать открытой конфронтации, но также и позитивного взаимодействия. Все дело в том, что каждая из них воспринимает другую источником своих внешнеполитических проблем, а не партнером, способным помочь в их разрешении. Президенты организуют встречу, и высокопоставленные лица попытаются найти общие точки соприкосновения, но их усилия принесут весьма скромные плоды, и, если что-то пойдет не так, достигнутый прогресс быстро сойдет на нет. Вместо того, чтобы трудиться над выработкой осмысленного и последовательного плана выстраивания американо-российских отношений, каждая из сторон сосредоточит внимание на других внешнеполитических приоритетах, которые кажутся им более важными, многообещающими или безотлагательными.

С учетом сильной инерции, сдерживающей развитие отношений, не нужно прилагать больших усилий, чтобы удержать отношения между двумя странами на нынешней траектории. Потребуется лишь разочарование в надеждах с одной или другой стороны – либо потому, что эти надежды были слишком высоки, либо, что более вероятно, потому что предпринимались слишком робкие попытки проверить их обоснованность. Что касается американской стороны, то политические препоны на родине могут расстроить самые лучшие намерения и планы Трампа, или битва за насущную внутривнутриполитическую повестку вытеснит из его поля зрения важные внешнеполитические инициативы. Либо подозрения по поводу первых контактов лагеря Трампа с Россией могут, и, похоже, уже побудили президента и его команду занять более жесткую позицию по отношению к Москве. А с российской стороны искушение потребовать слишком многого или переложить слишком большое бремя перемен на американскую сторону также обречет стороны на то, чтобы ничего не менять в принципе.

К сожалению, остается также риск резкого ухудшения отношений. Если насилие на Украине выйдет из-под контроля, и в конфликт будет втянута Россия и перепуганные европейские союзники США, то даже если администрация Трампа пожелает не вмешиваться, вряд ли у нее это получится. То же можно сказать и о столкновении в любом другом регионе мира, который каждая из сторон считает важным. Хотя это обычный путь скатывания к конфронтации, по мнению аналитиков, два других пути представляются мне более вероятными. Отношения между США и Россией деградировали до состояния новой холодной войны не вследствие какого-то одного события, хотя украинский кризис подтолкнул их к обрыву, но в результате длительного и медленного накопления все более сильных обид. Аналогичным образом путь по наклонной, скорее всего, опять-таки, станет результатом накопления многочисленных пикировок по проблемам, которые так и не удалось снять с повестки дня. Деграция отношений может быть также вызвана ключевыми аспектами внешней политики США, как это было в конце пребывания у руля первой администрации Джорджа У. Буша, когда поспешная война в Ираке встревожила российское руководство куда больше, чем российская политика администрации США. Если администрация Трампа предпримет безрассудные шаги, объявив войну исламу, отменив ядерную сделку с Ираном, либо агрессивные действия в отношении Северной Кореи, Китая или других стран, что создаст косвенную угрозу для России, то даже при сохранении относительно дружественной политики в отношении Москвы подобные действия могут нанести урон американо-российским отношениям.

Но остается и другая возможность: правительства обеих стран могут остановить дальнейшее сползание к враждебной конфронтации и начать двигаться к выстраиванию более позитивных отношений. Однако прогресс в отношениях не дастся легко. На этом пути стоят не просто очевидные препятствия, но и глубоко укоренившееся взаимное недоверие, накопившееся за последние два десятилетия, неверное восприятие намерений и планов другой стороны, а также «фундаментальная нестыковка в мирозерцании и трактовке роли друг друга в мире»³, как выразился бывший помощник Государственного секретаря Уильям Бернс. Не говоря уже о конфликте интересов в некоторых других областях.

³ William Burns, "How We Fool Ourselves on Russia," *The New York Times*, January 7, 2017.

Менее очевидны тенденции, сформировавшиеся в последние три года после резкого осложнения отношений, у которых теперь уже есть собственная инерция. Во-первых, Россия и США снова сделали друг друга главным приоритетом в планировании оборонных расходов. Как и во времена холодной войны, каждая из сторон недвусмысленно считает другую сторону главным военным вызовом, так что их военные программы ориентированы на то, что видится им как возобновление угрозы со стороны старого противника. Этого не изменит даже оттепель в отношениях. Каждая сторона продолжит планировать разные военные сценарии с участием другой стороны (включая боестолкновения США плюс НАТО против России, а также России против США плюс НАТО). И каждая из сторон будет все энергичнее оправдывать укрепление своих вооруженных сил, включая модернизацию ядерной мощи в качестве необходимого ответа на программы другой стороны.

Во-вторых, хотя восстановление практических форм сотрудничества, начатых рабочей группой двадцати при Американо-российской двусторонней президентской комиссии, а также рабочими группами при Совете Россия–НАТО, представляется важным и разумным шагом для придания отношениям былой динамики, сделать это будет очень нелегко. Слишком много стекла побито; невозможно быстро восстановить давно разорванные связи; участники с подозрением будут относиться к перспективе слишком больших вложений в сотрудничество, которое может так легко оборваться.

В-третьих, хотя у президента Трампа и у некоторых лиц в его окружении может быть свежий взгляд на отношения, у президента Путина и его доверенных советников взгляды на политику США давно устоялись, и это весьма нелестные взгляды. Они рефлексивно вернутся к жесткой линии в отношении США, как только случится какая-то неприятность, а она непременно случится.

Что могли бы предпринять правительства двух стран с учетом этих ограничений? Для начала, они уже начали отказываться от постоянной громкой враждебной риторики и просигнализировали желание вернуться к более нормальным и деловым отношениям. Хотя американская сторона вернулась к более жесткой риторике, если дух конструктивного диалога возобладает после начала взаимодействия, и особенно после встречи двух президентов, то лед начнет таять. Президентам нетрудно будет найти темы для обсуждения. Все дело в том, чтобы найти такие способы их обсуждения, которые выведут диалог на новый уровень.

Быть может, проще всего для начала выстроить диалог вокруг сирийской проблематики. Нелегко будет контролировать причудливую смесь воюющих сторон в сирийской гражданской войне, и достижение политического урегулирования может оказаться невозможным, но существует фундамент для политического прогресса в Сирии, приемлемый для Вашингтона и Москвы: это режим светского алавитского меньшинства (с Башаром или без него), ищущий примирения с суннитским большинством. Даже при отсутствии серьезного дипломатического прорыва, если удастся сдержать насилие в Сирии, а американская и российская армии временно рискнут доверять друг другу, возможно, им удастся обеспечить мягкую координацию военных действий против Исламского государства.

Помимо этого, прогресс по трем другим вопросам, мешающим развитию отношений, потребует более фундаментальных корректировок. Это Украина, хакерство в киберпространстве и судьба договора по ядерным силам среднего радиуса действия. Нужно как-то устранить эти препятствия, поскольку их нельзя просто обойти или проигнорировать. Но для этого правительствам обеих стран следует приглушить, хотя бы на какое-то время, худшие опасения по поводу намерений другой стороны и, во-вторых, взять паузу и переосмыслить свои реальные интересы в каждой конкретной ситуации.

В случае с Украиной, несмотря на очевидную готовность Трампа уйти от этой проблемы, действительность не позволит ему это сделать. Постоянный риск эскалации насилия и неослабевающая тревога союзников по поводу угрозы с востока вынудит его сделать прогресс в украинском вопросе неотъемлемой частью любых усилий по поиску общих точек соприкосновения с Москвой и по другим вопросам. Это уже хорошо понимают ключевые люди в администрации Трампа. Прогресса не удастся добиться на основе полноценного выполнения Минского соглашения №2. Половина соглашения, указывающая на политическое урегулирование, – тупиковый путь. Этого не произойдет. Следовательно, придется добиваться прогресса в других областях и начать с другой половины соглашений – то есть, с достижения стабильного и предсказуемого мира в Донбассе.

Ни одна из сторон конфликта – Россия, США, Европа, Украина или сепаратисты – не получит того, чего хочет сегодня. Каждой из сторон нужно еще раз реалистично взвесить и понять свои оптимальные интересы. Что касается Москвы, то не пора ли ей что-то предпринять для улучшения все более непримиримых отношений с Киевом вместо того, чтобы рассчитывать на крах режима Порошенко, который может открыть путь к более приемлемой альтернативе? И не пора ли отказаться от надежд на то, кто краху нынешнего режима на Украине будет способствовать неурегулированная ситуация на востоке страны? При условии, что экономические интересы России будут защищены, вступление Украины в НАТО снято с повестки дня, и главной целью всех сторон будет превращение этой страны в связующий мост между двумя половинами Европы, разве нормализация двусторонних отношений с Киевом не в долгосрочных интересах Москвы? Ведь это самый крупный и важный сосед России!

Что касается Запада, включая американцев, то разве не в его интересах сделать Россию частью решения, а не источником украинского кризиса, но на приемлемых для всех условиях? Вместо политического урегулирования военного конфликта, не говоря уже о возвращении Крыма как предварительном условии для дальнейшего прогресса, не разумнее ли Соединенным Штатам и европейцам для начала сосредоточиться на полноценной поддержке России в деле обеспечения мира на Донбассе? После этого можно уже содействовать более активной и конструктивной роли России в решении экономических проблем Украины и вместе пересмотреть условия, на которых будут сняты санкции Запада, помимо тех, которые были наложены в связи с аннексией Крыма.

Короче, только если США и Россия пересмотрят свои приоритеты в украинском вопросе, и только если все стороны признают, что достигнут реального прогресса, американско-российские отношения сдвинутся с мертвой точки. То же самое касается и проблемы хакерства в киберпространстве. То есть, Соединенным Штатам, России и крупным

европейским странам нужно переосмыслить шумные и скандальные способы решения этой проблемы, отягощающей их отношения и, не слишком афишируя это, начать двусторонние и многосторонние переговоры по поводу красных линий, которые не должны нарушаться. Когда стороны занимаются так называемой «перестрелкой» в киберпространстве – то есть сбором информации посредством взлома компьютерных систем друзей и врагов – то одной из таких красных линий должна быть признана неприкрытая манипуляция украденными материалами с целью влияния на исход выборов, а также тайный сговор с их участниками.

Третью маячащую на горизонте опасность – нарушение Россией договора о стратегических ракетах среднего радиуса действия 1987 года – хоть она пока и исчезла из поля зрения, вытесненная другими малопонятными проблемами контроля ядерных вооружений – отвести может быть еще труднее. Если решение не будет найдено, то последствия выйдут далеко за рамки данного конкретного соглашения. После того, как Россия развернула новые крылатые ракеты наземного базирования SS-8, с точки зрения Вашингтона, она формально нарушила договор. Пока неясно, как США на это отреагируют, или даже понимает ли вновь избранный президент в полной мере всю сложность этого вопроса и четырехлетнюю историю переговоров по урегулированию данной проблемы. Но если российские военные, поддерживаемые некоторыми членами политического руководства страны, ценят эту систему вооружений больше, чем договор, как следует из растущего числа свидетельств, вряд ли можно будет найти приемлемое решение. В этом случае, независимо от того, примирится ли администрация Трампа с данным нарушением, предпримет ли она какие-то контрмеры или вообще откажется от договора, судьба соглашения о ракетах среднего радиуса действия, похоже, гарантирует, что дальнейшие шаги в области контроля над стратегическими ядерными вооружениями вряд ли будут поддержаны Конгрессом США.

Если правительства двух стран предпримут усилия по улучшению отношений, они смогут это сделать, даже если процесс контроля над ядерными вооружениями будет пробуксовывать. Дело не сойдет с мертвой точки, если не будет снято напряжение в связи с украинской и сирийской проблематикой, а также хакерскими атаками. Однако прогресс в этих вопросах поможет открыть запертую дверь, хотя и не гарантирует, что две страны смогут «поладить», как выразился Трамп, или, что еще важнее, что у них установятся рабочие отношения, которые позволят умерить разногласия и сосредоточиться на тех областях, где возможно сотрудничество.

Чтобы это произошло, двум сторонам придется углублять уровень взаимодействия. Им нужно найти способ докопаться до глубинных причин всех бед – понять и беспристрастно оценить истоки недоверия, расхождения в изложении и истолковании фактов, причину взаимных обид и слабых надежд на улучшение отношений. Лучше всего это можно было бы сделать в процессе формального, продолжительного, четко сфокусированного стратегического диалога между высокопоставленными официальными лицами, пользующимися безусловным доверием лидеров двух наций. Увы, у нас мало свидетельств того, что у руководства обеих стран есть для этого воля или возможности. Высокопоставленные лица в администрации Обамы выражали сомнения в полезности подобного диалога, будучи убеждены в том, что конфликт интересов и устремлений слишком обширен, чтобы вести какую-либо значимую дискуссию. Администрация

Трампа на данном этапе, похоже, слишком разбросана и не сконцентрирована, чтобы понять необходимость и ценность стратегического диалога, не говоря уже о способах его организации. А российское руководство не слишком заинтересовано в разработке стратегического плана развития американо-российских отношений или в серьезном исследовании того, что ему препятствует.

Поэтому, в случае заключения пари нетрудно сделать ставку на то, что, если двум сторонам и удастся снизить уровень напряжения и вместе заниматься важными делами, разрядка будет ограниченной и хрупкой. Она может включать расширенное соглашение по регулированию военных операций, чреватых риском опасных инцидентов на море и в воздухе вдоль побережья Европы, которое обе стороны на словах приветствуют. Можно также включить в него восстановление некоторых рабочих групп в рамках Двусторонней российско-американской президентской комиссии, а также предпринять усилия по интенсификации экономического сотрудничества за пределами регионов, затронутых режимом санкций. Можно договориться и об ограниченном смягчении режима санкций. Прислушавшись к призывам некоторых европейских стран, НАТО и Россия могут начать игру вокруг принятия новых мер по укреплению доверия или ограничения военных учений, во время которых возможно соприкосновение войск НАТО и России в Центральной Европе.

Короче, девизом этих позитивных, но ограниченных перемен в отношениях может стать фраза «избежать конфронтации» или «искусное управление», поскольку нет особых надежд на «долгосрочное разрешение» базовых противоречий, приводящих к напряженности в отношениях. Это наиболее амбициозные цели с точки зрения большинства обозревателей обеих стран, включая самые конструктивные. Но они далеко не соответствуют тем расчетам, на которых должна строиться политика США и России в отношении друг друга.

Назад к основам

Если мир растерянно движется к неведомому и потенциально опасному будущему, и если страна с наибольшими возможностями изменить мир в лучшую или худшую сторону тоже вступила на неизведанные тропы, то внешняя политика, будь то американская или российская, не должна быть малозначительной или сосредоточенной на узких, краткосрочных проблемах при отсутствии стратегических планов. Вот что должно больше всего беспокоить политиков обеих стран, а также серьезных аналитиков, которым следует искать новые, свежие подходы к решению существующих задач.

Начнем с Соединенных Штатов. Не в их интересах допустить развал того либерального мирового порядка, ради построения которого они трудились и многим жертвовали

на протяжении более чем семи десятилетий. Не в их интересах допустить крах открытых рынков, беспрепятственной торговли и инвестиций, а также такого идеала как суверенитет и территориальная целостность стран, несмотря на эпизодическое нарушение этого принципа. Не в их интересах отказываться от упования на международные организации для обеспечения мирного урегулирования вооруженных конфликтов и делать ставку на одностороннее понуждение, даже если они сами не раз прибегали к последнему. Следовательно, в интересах США по-прежнему принимать активное участие в защите и укреплении либерального миропорядка.

Лозунг Трампа «Америка превыше всего», если даже он имеет какой-то смысл, толкает страну в противоположном направлении. В более полной и исчерпывающей формулировке этого мировоззрения его единомышленник Стивен Бэннон⁴ делает акцент на «экономический национализм» и жесткий антиглобализм, нативистское сознание национального суверенитета и скептическое отношение к альянсам и международным организациям. Это некая антитеза либеральному мировому порядку. Если подобный подход возобладает в Белом Доме, или даже если он будет конкурировать с другими более традиционными взглядами, отстаиваемыми другими представителями администрации, это будет означать наступление периода турбулентности в американской внешней политике, для которого характерны непоследовательные цели и непредсказуемые действия.

Из-за плохого понимания администрацией Трампа возможных направлений деятельности, что осложняется серьезными политическими волнениями, охватившими страну, США еще не скоро выработают сбалансированную внешнюю политику, не говоря уже о политике, соответствующей тому выбору, который им придется делать. Впереди маячат два серьезных вызова, на которые Америка не способна ответить с учетом сегодняшних политических реалий. Однако оба могут оказать колоссальное влияние на развитие американо-российских отношений.

Один из них касается той принципиальной роли, которую США должны играть в мире. В первую очередь, если американское руководство желает сохранить либеральный мировой порядок – а оно должно этого желать – ему необходимо пересмотреть свою роль в мире. США больше не могут быть арбитром или гарантом этой системы в последней инстанции. Они больше не могут навязывать свои стандарты, какими бы ценными те ни были, не стесняясь при этом в выборе средств. И они больше не могут опираться на широкое понимание или трактовку того, что включает в себя либеральный миропорядок, включая принуждение к соблюдению прав человека, создание законодательной основы для определения легитимности суверенных государств и избирательное оправдание применения военной силы. Вместо этого, если США хотят внести достойный вклад в сохранение порядка, служившего им верой и правдой, придется учиться осуществлять руководство в партнерстве с другими, осваивать навыки совместного управления системой, а не доминирования в ней, навыки изменения правил и предоставления более широких полномочий усиливающимся державам, разочарованным системой в ее

⁴ С 20 января 2017 года — старший советник Дональда Трампа по политическим и стратегическим вопросам. — Прим. ред.

нынешнем состоянии. Соединенным Штатам также необходимо согласиться с ограничениями на способы и время применения силы, а также определить, кто и что может дать им право на такие действия.

В центре усилий по преобразованию роли США в спасении либерального миропорядка находится новый стратегический императив. Хотя Збигнев Бжезинский и Пол Вассерман выразили эту мысль иначе, они предусмотрительно призвали президента Трампа «признать, что идеальное долгосрочное решение – это то, при котором три доминирующие военные державы – США, Китай и Россия – совместно трудятся над поддержкой стабильности во всем мире»⁵. Если США, Китай и Россия не будут работать сообща, вряд ли удастся создать видоизмененный и более справедливый либеральный мировой порядок. Сотрудничество между этими тремя странами или его отсутствие сыграет решающую роль в устранении трех главных угроз либеральному или нелиберальному мировому порядку: растущей угрозы ядерной катастрофы во все более опасном многополярном ядерном мире; хаоса, вызванного конфликтами из-за изменения климата, а также перспективы бурных перемен внутри и вокруг евразийского континента.

Чтобы порядок возобладал над беспорядком, мировое управление, вероятно, будет зависеть от «сотовой» конструкции разнородных партнерств: «большой десятки» или двенадцати крупнейших экономик мира для обеспечения глобального экономического роста и стабильности; сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества и НАТО для решения проблемы нестабильности в Северном поясе; шестисторонних переговоров для решения проблемы ядерных вооружений Северной Кореи (наподобие пятисторонних переговоров по Ирану); двусторонних и многосторонних форматов для сдерживания наиболее дестабилизирующих событий в странах, обладающих ядерным оружием; и перестроенного Совета Безопасности ООН для управления взрывоопасными региональными конфликтами. Чтобы эта «сотовая структура» механизмов и международных институтов была цельной и давала кумулятивный эффект, необходимо сотрудничество между США, Китаем и Россией вместо безудержной конкуренции между ними. То же самое касается второго измерения, необходимого для существования стабильного либерального миропорядка: крайне важно примирить между собой конкурирующие интеграционные проекты, такие как Евросоюз и Евразийский экономический союз, а также конкурирующие торговые режимы, такие как видоизмененное Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП) Китая. Этого не случится, если Китай и США или Россия и Запад под руководством США продолжат ожесточенное соперничество.

Если в полумраке потенциально неспокойного миропорядка и внутривнутриполитических конвульсий переходного периода США столкнутся с некими историческими вызовами (сознают это американские лидеры или нет), то и Россию ожидает примерно то же самое. Российский политолог Сергей Караганов также считает, что «три крупнейшие державы мира – «большая тройка» – должны собраться вместе и выработать условия

⁵ Zbigniew Brzezinski and Paul Wasserman, "Why the World Needs a Trump Doctrine," *The New York Times*, February 20, 2017.

мирного перехода к новому, более стабильному мировому порядку»⁶. Его призыв опирается на предпосылку, согласно которой «более стабильный мировой порядок» должен основываться на расширяющемся поле сотрудничества все более широкого круга крупных держав, что, в конечном итоге, приведет к согласию (концерту) держав, отправной точкой которого должно стать сотрудничество между США, Китаем и Россией. Это не слишком отличается от того миропорядка, который политолог Дмитрий Тренин рисует в своей новой книге «Should We Fear Russia?». Он характеризует его как «трансконтинентальную / трансокеанскую систему», основанную на «примерном равновесии между великими державами», в которой США, Китай и Россия будут удовлетворены тем, что их безопасности не угрожает одна или обе другие великие державы. Эта система должна терпимо относиться к «идейно-политическому плюрализму» и полагаться на «взаимное уважение»⁷.

Вся эта конструкция может стать устойчивой, только если Россия и Китай выполнят свою часть работы. И вот тут-то на первый план выходят более серьезные проблемы, включая цену, которую придется заплатить за новую холодную войну между США и Россией, а также за разрушительное воздействие периода неопределенного ожидания и латаргии, преобладающей в Москве и Вашингтоне. Чтобы дать адекватный ответ на те серьезные вызовы, с которыми Россия и США столкнутся в следующие два десятилетия, необходимо выполнить два условия. Первое заключается в том, что каждая из сторон должна отказаться от необоснованных предположений, из-за которых они направляют политику в отношении друг друга в неверное русло. Второе, более долгосрочное и существенное, требование состоит в том, что каждой из сторон следует разработать стратегический план встраивания американо-российских отношений в мировой порядок, которая каждая из сторон желает построить.

Что касается первого условия, то каждой из сторон нужно отойти от такого изложения фактов, которое сегодня влияет на политику. Соединенные Штаты могут вполне обоснованно возражать против многих действий России, но вовсе необязательно предполагать, как это делали официальные лица в администрации Обамы, что подобные действия вызваны тем, что «русские встали в агрессивную позу, которая угрожает самому существованию мирового порядка», и что Россия твердо намерена добиться «раскола Евросоюза, дестабилизации НАТО и выведения» Соединенных Штатов из равновесия. Подобные предположения, будучи сами по себе преувеличением, обостряют новую холодную войну и вызывают неверную внешнеполитическую реакцию⁸. Точно так же, не одна Москва критикует политику Вашингтона в Ираке, Сирии и даже на Украине, но предполагать, как это делает руководство России, что все это сознательные и злонамеренные действия, призванные подорвать национальную безопасность России и позиции ее нынешнего политического руководства, значит обрекать себя на контрпродуктивную и нездоровую реакцию.

⁶ Sergey Karaganov, "Mutual Assured Deterrence," Project Syndicate, February 17, 2017, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-role-in-new-world-order-by-sergei-karaganov-2017-02>

⁷ Dmitri Trenin, "Should We Fear Russia?" (Polity, 2017), pp. 106 and 109.

⁸ Evan Osnos, David Remnick, and Joshua Yaffa, "Active Measures," *The New Yorker* (March 6, 2017), p. 44.

Во-вторых, общее с обеих сторон предположение, что ценностный водораздел между двумя странами делает невозможным что-либо, кроме ограниченного и спорадического сотрудничества, не просто связывает по рукам и ногам, но и логически несостоятельно. Мало какие совместные проекты в истории – к примеру, Европейское объединение угля и стали или НАТО на его начальных этапах, или предтечи Всемирной торговой организации – удалось бы запустить, если главной предпосылкой для сотрудничества были бы общие ценности. Чаще всего, совместимые, пусть и не всегда общие цели – это плод сотрудничества, вызревающий медленно, благодаря титаническим усилиям.

Наконец, второе важное требование. Набросать контуры реформированного либерального мирового порядка – достаточно легко. Ведь, несмотря на возражения против нынешнего статус-кво и высокомерную роль США в нынешнем миропорядке, ни Китай, ни Россия не желают разрушать его усовершенствованную версию и не могут предложить никакой альтернативы. Намного труднее разработать стратегический план, способный привести к созданию нового порядка, а также взаимоприемлемую и политически осуществимую программу и стратегию.

В своей книге «Return to Cold War» я попытался это сделать в отношении американо-российских отношений⁹. В первых пяти частях я рассказываю о высоких ставках в этих отношениях для обеих стран, хотя пока это совершенно не отражается на их действиях. Как уже ранее говорилось, подобная неудача оказывает самое прямое влияние на то, насколько мрачным будет формирующийся мировой порядок. Вначале я говорю о том, что руководству США и России нужно привнести больше стабильности в новый и все более опасный многополярный ядерный мир. Остаются опасности, существовавшие во время изначальной холодной войны в XX веке – а именно, опасность ядерной катастрофы (инциденты в области мирного атома уже не раз случались), случайное применение ядерного оружия, непреднамеренная эскалация, которая может привести к ядерной войне или войне, в которой одна из сторон сознательно применит ядерное оружие. Риск непреднамеренного ядерного конфликта все время растет и, если его не снижать, это приведет к неприемлемо высокой вероятности того, что в какой-то момент одна из сторон нажмет на ядерную кнопку. Неосознаваемые или, по крайней мере, не признаваемые сторонами дестабилизирующие последствия технологических прорывов, побуждающих США, Россию, Китай, Индию и Пакистан модернизировать свои ядерные арсеналы, делают эту угрозу слишком реальной. То же можно сказать и о продолжающемся стирании грани между боевыми действиями с применением обычных и ядерных вооружений, об утрате контроля в связи с тем, что двустороннее ядерное соперничество становится трехсторонним, а также об огромном разрушительном потенциале кибернетического оружия, встроенного в программы ядерного сдерживания, о геометрической асимметрии и перекосах между девятью ядерными державами и о разных представлениях этих держав о роли вооружений. В книге также говорится о том, что Соединенным Штатам и России нужно как можно скорее обратить внимание на то, что тенденции в ядерной сфере выходят из-под их контроля, и объединить свои усилия с Китаем для недопущения того, чтобы эта новая ядерная эра окончилась трагедией.

⁹ Robert Legvold, 'Return to Cold War' (Polity, 2016), pp. 138–164.

Ставки не менее высоки и в четырех других областях. Насколько серьезно российские и американские лидеры размышляли над горькой иронией сложившейся ситуации: приложив столько усилий для того, чтобы ослабить массивное военное противостояние времен холодной войны в Центральной Европе, две страны теперь снова пикируются дальше на востоке? Конечно, масштабы не те, что были тогда, но последствия те же или даже хуже с учетом шаткого мира на территориях, примыкающих к линии противостояния двух сил. Вашингтону и Москве придется сделать выбор. Они могут по инерции, будучи в плену своих узко определяемых приоритетов, продолжать в том же духе, следуя за военными действиями, предпринимаемыми другой стороной, активизируя ответные шаги своей армии и союзников, сосредоточиваясь на разных непредвиденных ситуациях, для которых будут использованы войска, и готовясь к этому моменту. Или же, если непреодолимые препятствия, такие как тупиковая ситуация на Украине, будут частично или полностью устранены, они сосредоточатся на ослаблении военного противостояния и более пристальное внимание уделят шагам, направленным на укрепление взаимной безопасности. На карту поставлено будущее Европы: будет ли этот континент еще одной зоной нестабильности и военного соперничества на карте мира в течение следующих 20 лет? Или этот регион станет анклавом стабильности, ресурсы которого пойдут на решение мировых задач обеспечения безопасности в XXI веке под руководством мудрых политических лидеров?

Продолжая рассуждать в том же духе, мы можем сказать, что арктический регион, новый великий нефтегазовый рубеж мира, до недавнего времени выигрывавший от конструктивного сотрудничества пяти прибрежных государств, сегодня скатывается в направлении растущей военной активности со всех сторон, включая военные учения, выходящие за рамки защиты законных притязаний и морских путей. Если этот регион вместо того, чтобы быть тихим и спокойным местом вдали от военной конфронтации в Европе, унаследует эту тенденцию, и сотрудничество между пятью странами ослабнет, то европейской безопасности и борьбе за снижение ущерба окружающей среде от изменения климата будет нанесен значительный урон. И здесь ставки велики: пожелают ли Россия и США взять на себя бремя лидерства ради превращения девственной в политическом смысле территории Арктики в маленький кирпичик и прототип построения более стабильной системы евроатлантической безопасности? Или же они позволят событиям развиваться в непредсказуемом русле, включая сползание в пропасть холодной войны?

Добавьте к этим трем озабоченностям четвертую: беспокойная обстановка на территории евразийского континента (фактически на территории бывшего Советского Союза) и концентрической окружности вокруг него привели к нынешней американо-российской холодной войне, и это будет решающим фактором, от которого зависит, насколько нестабильной будет общая обстановка в мире в предстоящие годы. Ни одна другая страна в мире не зависит до такой степени от развития ситуации в этом регионе, как большая тройка – США, Россия и Китай. И опять-таки они могут выпустить ситуацию из-под контроля, как это было в прошлом, запоздало и спонтанно реагируя на каждое нарушение мира, или предпринять сознательные усилия для достижения временного соглашения на базе согласованной (где это возможно) политики с целью осуществления стабильных перемен и обеспечения взаимной безопасности в Евразии. В зависимости от того,

какой выбор они сделают сегодня, мы можем получить два совершенно разных международных ландшафта через 25 лет.

Наконец, лидерам в трех столицах придется фундаментально переориентировать политику, если они хотят создать важный стратегический фундамент для стабильного миропорядка в будущем, как советуют вдумчивые аналитики в США и России. Двусторонние договоры, создающие правовую базу для выстраивания отношений между тремя державами, должны быть заменены трехсторонними договорами. Прогресс в решении любой серьезной проблемы требует трехстороннего взаимодействия. Во-вторых, конструктивное трехстороннее взаимодействие будет возможно, только если все три правительства сделают это своим приоритетом. В-третьих, чтобы сделать это своим приоритетом, все три страны должны сделать то, что до сих пор им не удавалось – то есть, противостоять искушению подходить к решению проблем и конфликтов интересов, разделяющих две другие страны, таким образом, чтобы поставить в невыгодное положение кого-то из них. Если главным подходом станет стратегическое противоборство, как это происходит сейчас, то «тройка» станет опасной центрифугой соперничества между великими державами и фундаментальной угрозой для мира и стабильности во всем мире.

Таким образом, в тот момент, когда будущее мирового порядка и самого важного его участника становится туманным, российским и американским лидерам предстоит сделать выбор. Это гораздо более важный и судьбоносный выбор, чем осознает каждая из сторон. Это может быть выбор, которому воспрепятствуют политические реалии в обеих странах. Узкие задачи, замкнутая политика и усиление недалекого мышления с обеих сторон на всех уровнях может оказаться неизбежным. И если так, то это будет не первый случай в истории, когда великие державы проморгают решающий момент для будущего мироустройства и заплатят за это высокую цену.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РСМД
Российский совет
по международным
делам

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ